

Скирда Александр. Обсуждение Платформы

Источник: [здесь](#).

Главы XV-XVI из книги "Индивидуальная автономия и коллективная сила"

Организационная Платформа группы "Дело Труда"

Поскольку фигура Нестора Махно достаточно известна, приведем некоторые биографические сведения о Петре Аршинове (настоящая фамилия которого Марин). По профессии он был рабочим-слесарем и начал свою трудовую деятельность железнодорожником на восточной Украине. В 1904 году, в семнадцатилетнем возрасте он проникся симпатией к идеям большевистской фракции Российской социал-демократической рабочей партии, но скоро заметил их несоответствие революционной ситуации, в которой в то время находилась страна, и стал либертарным коммунистом. Это было время вооруженной борьбы для противостояния жестоким репрессиям со стороны царских приспешников: так, 23 декабря 1906 года, когда ему исполнилось только девятнадцать лет, он взорвал здание, в котором находились участники карательной полицейской экспедиции. При этом погибли многие казацкие офицеры и жандармы. Немного позже, 7 марта 1907 года он публично убил выстрелом из револьвера начальника железнодорожных мастерских города Александровска, виновного не только в систематических издевательствах над рабочими, но и в том, что во время забастовок и восстаний 1905-1906 годов он выдал полиции сто двадцать рабочих, около сотни из которых были осуждены к смертной казни или отправлены на каторжные работы. Арестованному и приговоренному к смерти Аршинову, в невероятных условиях, удалось бежать, благодаря помощи своих товарищей, затем он продолжил свою деятельность. Вновь схваченный и осужденный к смертной казни, он еще раз успел бежать. Ничуть не упав духом, он продолжает активную борьбу, переправляет контрабандой через австрийскую границу оружие и анархистскую литературу. После ареста в 1910 году, благодаря счастливому стечению обстоятельств и удачному использованию различных псевдонимов, Аршинову отвел от себя подозрение в некоторых террористических актах и он был осужден только к политической каторге в Бутырках в Москве¹⁴¹. Там он встретился с Махно, и между ними установились прочные дружеские и идейные связи. Они решили даже начать в будущем совместно издавать либертарный коммунистический теоретический журнал, отсутствие которого уже чувствовалось в эту эпоху.

Февраль 1917 года распахнул ворота тюрем для оставшихся в живых из той героической эпохи. Аршинов остается в Москве и интенсивно участвует в работе местной Анархистской федерации. Во время своего пребывания в Москве, в мае-июне 1918 года, Махно настойчиво попросил его вернуться на Украину и вместе вести борьбу. Аршинов прибыл туда в начале 1919 года и немедленно занял важный пост в культурной комиссии махновского движения, взяв на себя среди прочего ответственность за публикацию печатного органа повстанцев. Он оставался в движении до конца 1920 года, и тогда ему было поручено написать его историю. Пребывая на нелегальном положении в Москве, он выполнил свою задачу, но не без труда, так как ему пришлось четыре раза заново писать свой труд, поскольку первые рукописи были захвачены Чека во время обысков. Он подпольно выехал в Берлин, там издал свою книгу и принимал участие в деятельности русских анархистов, нашедших там пристанище. Так, он издает вместе с ними первый журнал Анархистский вестник (на русском языке), семь номеров которого появились с июля 1923 по май 1924. Встретившись вновь с Нестором Махно, которому пришлось испытать наихудшие трудности, пройти через всю Европу, чтобы ускользнуть от провокаций Чека, они решили укрыться, уехав жить в Париж. Там они основали в 1925 году журнал Дело труда, в котором вскоре появились отличные исследования и анализы. В нем принимали участие анархисты соотечественники, а также поляки Валец-кий, Ранко (Гольденберг), эмигрантка из Прибалтики Ида Мэтт (Жильман), отлично владевшие русским языком. В результате коллективных размышлений в июне 1926 года они опубликовали Проект Организационной Платформы для всеобщего Союза анархистов, которой суждено было стать вехой в истории анархизма. Этот текст долгое время был известен как Платформа Аршинова, так как его подпись как секретаря группы стояла под введением. Это ошибочное мнение, этот труд был написан в коллективной редакции, изложение его основных идей также было делом коллектива. Впрочем, многие последующие тексты были подписаны коллективно всей группой. Это будет показано путем хронологического исследования их появления в Деле труда.

В августе 1925 года появилась статья Аршинова Наша организационная проблема, которая послужила в некотором роде сигналом для всего процесса. Автор не только тщательно рассматривает политическую ситуацию в России, констатирует урон, нанесенный большевизмом, но и произносит теа си́ра от имени анархистского движения, которое в ходе революции непростительно опоздало в теоретическом и организационном плане, ограничиваясь зачастую позициями, конечно, верными, но слишком общими, действуя в то же время распыленно, многочисленными небольшими группами, часто расходившимися во многих тактических вопросах. Сохраняя трезвость ума, Аршинов без поспешности изучает все перспективы, которые способны были предложить большевики, русские социалисты и либералы. Первые могли пойти только по пути «длительной эксплуатации и порабощения масс». Единственный вопрос состоял в том, поделят ли они власть с буржуазией. Вторые, как сторонники государства, представляются только как партии «социалистических обещаний и ничего более». Что касается либералов и откровенных монархистов, они пойдут по пути присоединения к большевикам, только для того, чтобы вернуть себе часть привилегий. Анархисты остаются единственными действительными сторонниками социальной революции, которые ведут рабочее движение вперед, а не назад.

Одно сознание этого должно удесятирить наши силы и вдохновить нас на дальнейшую упорнейшую борьбу.

Тяжел и скорбен путь борющегося труда. Не раз и не два усталость и сомнения охватят революционные ряды. Но сколь бы тяжел ни был этот путь, никто из нас не согласится отказаться от борьбы и помириться с тем или иным видом рабства.

- Духа не угашайте - завет этот, более чем когда-либо, должен гореть теперь в душе каждого труженика и революционного борца.

Аршинов подчеркивал «расхождения, разногласия, отсутствие солидарности и коллективной ответственности», которые до этого времени мешали анархистскому движению играть главную роль в социальной борьбе. Единственное решение состояло в «совместной организации наших сил на основе коллективной ответственности и метода коллективного действия»¹⁴².

Черняков, видный представитель анархизма во время революции, публикует статью Неотложная задача, в которой он ратует за создание анархистской партии, которая не будет иметь ничего авторитарного и ничего общего с этакими социалистическими партиями¹⁴³. Ее образцом могла бы стать бакунинская Юрская федерация. В следующем номере ему ответил Волин, отбрасывая возможность употребления термина «партия», на котором слишком большой отпечаток оставило стремление к государственной власти. С его стороны это не было формализмом, так как он напоминает о том, что назначение председателя собрания не так давно рассматривалось как антианархистский акт. Как бы там ни было, Волин приводит в качестве образца организации украинский Набат, в котором он принимал участие на протяжении некоторого времени. Он к этому, впрочем, возвращается в статье, в которой комментирует активность Набата и, в частности декларацию и резолюции, принятые на Конференции в Курске. Ему было поручено написать теоретическую платформу, задачу, которую он не смог довести до конца, но определенное представление о ней дает его предложение взять из каждой анархистской тенденции, а именно, коммунистической, синдикалистской и индивидуалистской, то, что может быть совместимым между ними, и отбросить остальное. Это более или менее тот же синтез, который он предложит впоследствии совместно с Себастьяном Фором. Организационная проблема ему представляется второстепенной важности, хотя она должна вдохновляться Набатов, который представлял собой «союз на основе федерализма, с некоторыми элементами естественного, свободного и технического централизма, то есть (не следует бояться слов), слиянием между братской и свободной дисциплиной и коллективной ответственностью». Именно дисциплине посвящена и статья Махно, опубликованная в том же номере журнала¹⁴⁴.

В то время переписка с товарищами, оставшимися в СССР, даже депортированными, была еще возможной, поэтому в каждом номере журнала была посвященная им рубрика. Некоторые из них придавали большое значение организации, настолько она им кажется необходимой, и сдержанность по отношению к ней казалась им, с точки зрения их положения, непонятной или ребяческой.

Наконец, в десятом номере за март 1926 года появился коллективный ответ группы русских анархистов за границей на статьи Волина о Синтезе. В нем Синтез систематически отвергался как непоследовательный и несоответствующий истории анархизма (намек на запоздалое присоединение Волина, незадолго до 1914 года, к либертарным идеям). В статье Организационная проблема и идея синтеза утверждается, что речь не идет о том, чтобы произвести переворот в учении, его становым хребтом остается «либертарный коммунизм», а о том, чтобы черпать вдохновение в «материале, накопленном анархизмом на протяжении всех лет его жизненного процесса и его социальной борьбы».

В июне-июле 1926 года, в номере 13-14, появилась первая часть Организационной Платформы. В конце номера Ида Мэтт делает отчет о собрании 20 июня 1926 года - дата появления Платформы и первая годовщина журнала. По этому поводу были приглашены многие французские, итальянские, болгарские и другие товарищи (даже один китаец).

Первым выступил Аршинов, как секретарь группы, он вкратце резюмировал предпринятый группой демарш и представил Платформу как результат ее коллективного размышления, которое привело к единой идеологической ориентации и тактике. Оратор добавил, что работа, проведенная группой, может иметь значение для международного анархизма, поскольку она первой наметила путь для отбора и концентрации анархистских сил, и нет другого пути, чтобы обеспечить их мировое развитие. Затем выступил Махно, он обратил внимание на отсутствие до революции влияния анархистов на крестьян и объяснил это, с одной стороны, отсутствием организационного духа среди анархистов и распространенным среди них предрассудком о мелкобуржуазном характере крестьянства, с другой. Он считает, что Дело труда, выполняет основной труд по осуществлению революционных и политических задач анархистского движения. Затем с короткой речью выступила Мария Корн, которая одобрила работу, проводимую Делом труда и пожелала ему успеха. После нее слово взял Себастьян Фор, подтвердивший, что он также давно ратует за крепкую анархистскую организацию. Однако он не считает, что в ней можно объединить сторонников противоположных тенденций. В заключение он напомнил, что состоит во французском анархистском движении уже 35 лет и не видит, где находится тот кризис, который он якобы должен переживать. Один из болгарских товарищей в своей речи поддержал выступление Дела труда, так как попытка создания «синтетической» анархистской организации в Болгарии ни к чему не привела. Китайский товарищ заявил, что между политическим, экономическим и социальным положением Европы и Китая существует такая диспропорция, что к ним невозможен одинаковый подход. В Европе имеется такой технический и культурный прогресс, что анархисты должны бы больше действовать, чем болтать. За недостатком времени заседание на этом закончилось, хотя записалось еще много желающих выступить.

Публикация Платформы была продолжена в последующих выпусках журнала. Каково же ее содержание? Аргументы, выдвинутые в первых статьях Дела труда, получили в ней дальнейшее развитие. Основная причина поражения анархистского движения состоит в «отсутствии твердых принципов и последовательной организационной практики». Анархизм должен «объединить свои силы в общую действующую организацию, как этого требует действительность и стратегия социальной борьбы классов», что прямо соответствует бакунинской традиции и пожеланиям Кропоткина. Такая организация устанавливала бы для

анархизма общую тактическую и политическую линию, ведущую к «коллективной организованной практике». Для осуществления всего этого необходимо выработать согласованную программу. Платформа представляет ее главные линии, которые следует углубить и расширить всем коллективом Всеобщего Союза Анархистов. Платформа состоит из трех частей: общей, в которой сформулированы и подтверждены основополагающие принципы либертарного коммунизма - борьба классов, необходимость насильственной социальной революции, отход от демократии, отрицание государства и власти, роль анархистов и масс в социальной борьбе и революции, переходный период и синдикализм; в конструктивной части рассматриваются проблемы промышленного и сельскохозяйственного производства, потребления, затем защиты революции; наконец, последняя часть программы посвящена принципам анархистской организации, основывающейся на идеологическом единстве, единстве тактики или коллективном методе действия, коллективной ответственности, федерализме и полномочиях Исполнительного комитета Всеобщего Союза Анархистов (см. полный текст, приведенный в приложении)

В сентябре 1926 года, в шестнадцатом номере журнала, Ида Мэтт возвращается к вопросу об идеологическом руководстве массами. Она объясняет, что под этим следует понимать, что анархисты должны превратить свою концепцию революции в доминирующую среди трудящихся, а не стремиться захватить государственную власть подобно политиканским партиям. В следующем месяце она публикует подробный отчете собрания, посвященном обсуждению Платформы, продолживший краткую информацию от 20 июня.

Первым на нем выступил Аршинов, который вновь констатировал отсутствие определенной идеологии и четких организационных принципов. Кто виноват, - спрашивал он, - объективные обстоятельства или мы сами? Сам Аршинов склоняется ко второму ответу. Он приводит в качестве примера Кронштадт: если бы в момент восстания в марте 1921 года существовала анархистская организация, движение распространилось бы на всю страну и все обернулось бы иначе. Точно так же в то время из-за отсутствия организации анархисты оказались неспособны поддержать русских трудящихся, враждебно настроенных по отношению к большевикам. Анархистское движение, несмотря на усилия отдельных личностей и групп, находится под угрозой раскола. Многие товарищи, не имеющие революционного опыта русских и итальянцев, утешают себя словами, что революция исправит ситуацию в движении. Это чистейшая иллюзия! Как раз напротив, революция уничтожит тех, кто не сумеет вовремя организовать. Анархизм является идеологией рабочего класса и его наилучшей тактикой, поэтому он должен предстать объединенным в теоретическом и организационном плане. Голландец Корнеллисен ему ответил, что если движение не смогло решить организационную проблему за тридцать лет, теперь делать это уже поздно, так как каждый день анархисты оказываются в неотложных ситуациях.

Тогда выступил Волин и сказал, что он считает, что напротив, эту проблему еще не поздно решить, но следует предварительно внести ясность в доктрину. Он привел в качестве примера опыт Набата. Зато в организационных принципах Платформы он усматривает большевистское отклонение, а именно, партия, программа, политическая линия и руководство массами.

Многие другие присутствовавшие анархисты выступили по разным вопросам, не коснувшись по-настоящему стоявшей на порядке дня проблемы, констатировал в своем заключительном слове Аршинов. Он отметил также, что несмотря на их полемический характер, выдвинутые критические замечания не были достаточно аргументированными и что вместо подвергнутых критике положений не было предложено ничего другого. Ему трудно ответить на рассуждение товарища Юдова о том, что «группа русских анархистов за границей развивает идею революционной борьбы и революционной классовой стратегии, это значит, что она стремится к власти». Он может только посоветовать критику заняться более серьезным изучением смысла этих слов. Если организационная проблема не была решена за тридцать лет, как утверждает товарищ Корнелиссен, еще не поздно сделать это сейчас, и иллюзорно полагаться на профсоюзы по вопросу экономического овладения революцией, если только они не имеют анархистской ориентации. Аршинов ответил также на обвинение в большевистском уклоне, брошенное Волиным, заявив, что в теоретическом плане анархизм не имеет ничего общего с большевизмом и с социалистами-государственниками, и это уже предохраняет его от подобной опасности. Кроме того, он не стремится к захвату государственной власти. Идея идеологического руководства массами никоим образом не противоречит анархизму, напротив, именно в этом состоит его миссия, в противном случае он теряет всякий смысл своего существования. Неверно и то, что русская революция и большевизм показали вред идеологического руководства массами, свой вред продемонстрировал метод борьбы за захват государственной власти. Новаторство выступления группы Дело труда состоит в стремлении «организовать идеологическое влияние анархизма на массы, но не как фактор слабый и прерывистый, а как постоянный фактор революционной социальной борьбы трудящихся». На этом встреча закончилась.

В ноябре 1926 года в восемнадцатом номере было опубликовано Приложение к Платформе, содержащее ответы на первую серию вопросов, поставленных давней сторонницей Кропоткина Марией Корн (или Изидиной, настоящая фамилия которой Гольдшмидт). Вопросы были шесть: большинство и меньшинство в анархистском движении; структура и основные черты строя свободных советов; идеологическое руководство событиями и массами; защита революции; свобода печати и слова; анархистский принцип: каждому по потребностям (см. полный текст этого документа в приложении).

В 20-21 номере Дела труда за январь-февраль 1927 года многие статьи отдают долг памяти десятой годовщине Февральской революции 1917 года в России. В статье Линского отмечается невозможность из-за всевластия ГПУ создания в тогдашнем СССР независимых рабочих организаций. Линский сравнивает положение русских рабочих с положением немецких рабочих в 1916-1917 годах и видит в качестве силы, способной реагировать, только заводские комитеты. Анархисты должны настроить их самым решительным образом против большевистского режима. В другой статье Максим Ранко настаивает на необходимости идеологической дифференциации в анархистских рядах для создания анархистского Интернационала, способного оказывать влияние на ход событий. Аршинов публикует ответы на вопросы некоего Ф(лешина?) по поводу роли анархистов после социальной революции, опасности новой войны и относительно индивидуального терроризма. Наиболее интересным нам представляется его ответ на вопрос об определении советов, понимаемых, в отличие от большевистских советов рабочих и солдатских депутатов, как рабочие и крестьянские организации производства и потребления. Что

касается Тррора, он не может быть индивидуальным актом, а зрело обдуманной политикой организации, учитывающей точную ситуацию страны, где она будет проводиться.

Под заглавием Борьба за организованность журнал публикует отчет о новом собрании, организованном совместно с польскими и болгарскими товарищами. От имени Группы русских анархистов за границей на нем выступил Аршинов, который напомнил, что дискуссия по организационному вопросу продолжается в Париже уже почти целый год и что уже можно отметить две тенденции по отношению к Проекту Платформы группы: одну - организационную, другую - дезорганизующую. Это соответствует трем разным позициям по отношению к Платформе: положительной, критической и индивидуалистской «наплевательской». Первая позиция в настоящее время является самой распространенной, вторая проявляется в форме вопросов, поставленных Марией Корн в Приложении; согласно третьей, анархизм должен существовать в непосредственном распоряжении каждого и ему не нужны никакие «организации», а еще менее Платформа. Наиболее типичным представителем такого антиорганизационного отношения является Волин, впрочем, в данный момент он готовит ответ на Платформу, чтобы показать ее антианархистское содержание. Хотя это не обещает быть захватывающим, следует подождать, что из этого получится. Здесь Аршинов еще раз повторил все сильные моменты Платформы. Вслед за ним выступил Махно. Он поддержал мнение Аршинова и хотел бы ответить на критические замечания своих «оппонентов по недоразумению», но они не ответили на приглашение принять участие в собрании, и ему трудно критиковать их в их отсутствие. Как бы там ни было, их безответственность, как организационная, так и политическая не приведет их дальше болота, где они смогут только «квакать» и ничего более. Уже давно ясно, что наше движение нуждается в сплочении своих сил, без чего оно не сможет никогда оказывать влияние на революционные события, даже если они приобретут отчетливый либертарный характер. Именно потому что «оппоненты по недоразумению» никогда об этом не заботились и совершенно об этом не думают, они принялись выискивать в Платформе антианархистские положения. Они смогут привлечь в свои ряды только элементы, случайно попавшие в анархистское движение, которые не пережили тяжелый опыт русской революции. Их политическое и организационное ничтожество отчетливо проявляется, - продолжил украинский беженец, - когда они хотят отбросить уроки нашего революционного опыта, приобретенного «нашей кровью, нашим сердцем и нашими нервами».

Затем выступил один из старых активистов болгарского движения, который объяснил, что именно такое «наплевательское» отношение некоторых анархистов стало главным препятствием для развития либертарных идей в Болгарии. Другой болгарский анархист уточнил, что не следует в особенности смешивать проблему организации анархистского движения с проблемой будущего общества. Эти две чрезвычайно важные проблемы должны рассматриваться отдельно. Некий Гриша Бр. затронул вопрос большинства и меньшинства. Он не понимает, почему именно меньшинство должно подчиняться большинству, а не наоборот. Аршинов ответил ему, что это не принципиальный вопрос, а вопрос практической мудрости, иначе никакая линия поведения не была бы возможной. Собрание закончилось единодушным пожеланием продолжить в ходе других встреч обсуждение вопросов, рассмотренных в Организационной Платформе.

В номере 23-24 за апрель-март 1927 года Аршинов подводит итог двух лет существования журнала и его организационного выступления. Он подчеркивает, что журнал получил поддержку со всех сторон, и чтобы отмежеваться от всех дезорганизаторских элементов, он впервые употребляет выражение Либертарная коммунистическая партия, которое одно только даст анархизму возможность занять то место, которое он заслуживает в рядах борющегося Труда. В том же номере журнала, вслед за появлением его французского перевода и реакций на него, благоприятных или враждебных, Аршинов посвятил пространную статью Организационной Платформе. Для одних это «исторический шаг вперед в развитии анархистского движения; для других это проклятие». В этом нет ничего удивительного, так как «авторы Платформы исходили из факта наличия противоречивых тенденций в анархизме, но не затем чтобы поставить перед собой задачу объединить их в целое, что совершенно невозможно, а для того, чтобы осуществить политический и идеологический отбор однородных сил анархизма и одновременно отмежеваться от хаотических, мелкобуржуазных (либеральных) и не имеющих корней в анархизме элементов». Этот отбор, как и отмежевание, можно осуществить только путем объединения всех анархистов, стоящих на одинаковых теоретических позициях в «революционный политический коллектив, во Всеобщий Союз Анархистов, или, точнее говоря, в Либертарную коммунистическую партию, что для нас одно и то же». Затем Аршинов отвечает на замечание Жана Грера, выступавшего за объединение усилий, но враждебно настроенного по отношению к их централизации. Для Аршинова такого рода отношение является результатом недоразумения или различия в понимании слов. Весь раздел Платформы, в котором речь идет о федерализме, отличается ясностью, и можно легко понять, о каком централизме идет речь. Что касается меньшинства, Грер представляет его уступки большинству как подчинение и противопоставляет ему согласие. Такое согласие однако может принимать только форму уступок меньшинства или же, когда они считаются слишком серьезными, единственным выходом в этом случае остается раскол. Подобным образом опасения Грера по отношению к Исполнительному комитету Союза-Партии отражает только его незнание анархистской организационной работы. Если он признает необходимость серьезной коллективной работы, связанной с существованием общеанархистской организации, он должен согласиться с необходимостью органов, таких как Исполнительный комитет Союза, а также с коллективной организационной ответственностью, дисциплиной и т. д.

Аршинов отбрасывает также другое замечание, касающееся использования выражений, таких как «классовая борьба», «трудящиеся классы», основывающихся на вере в то, что в будущем анархистском обществе не будет классов и, следовательно, классовой борьбы. Это значит попросту отрицать реальную действительность, не зависящую от воли самих анархистов. Хотя мы и стремимся к бесклассовому обществу, все наши надежды основываются на стремлении самых заинтересованных трудящихся к социальной правде. Вот почему их классовая борьба является одним из основополагающих принципов анархизма. Отрицать это значит «скатиться в болото буржуазного либерализма, что часто случалось с анархистами, пришедшими к нам из рядов буржуазии и не понявшими революционный дух Труда».

Некоторые товарищи в Европе и Северной Америке сочли благом привлечь внимание к видимому противоречию, состоявшему якобы в нашей отрицании переходного периода и

утверждении, что создание либертарного коммунистического общества не последует непосредственно за социальной революцией и будет продолжительным процессом работы и социального творчества. Здесь имеется только внешнее противоречие, источником которого является в очередной раз неправильное понимание идеи переходного периода. Очевидно, что либертарный коммунизм не может быть установлен немедленно и будет результатом настойчивого и продолжительного строительства. Необходимо иметь в голове ясное представление о путях и средствах этого строительства, исходя из реализма, который составляет силу, а не слабость анархизма, и не имеет ничего общего с понятием переходного периода, означающим промежуток времени, отделяющий революцию от наступления свободного общества, и воплощенный в политической и экономической системе. Он приводит в качестве примера большевиков, диктатура которых не ограничена во времени и может длиться целое столетие. Мы, анархисты, выступаем против этого понятия переходного периода, так как оно предполагает сохранение государственной власти и эксплуатации трудящихся. Мы за социальную революцию, за процесс прямого социального строительства. Аршинов заканчивает статью вопросом: возможно ли что-либо изменить в тексте Платформы, чтобы учесть замечания и критику, прозвучавшие с разных сторон? Он дает отрицательный ответ на него, так как каждый раз будут возникать разногласия по поводу пунктов, которые следует изменить. Это сможет сделать только Учредительный съезд Всеобщего союза анархистов.

В двадцать пятом номере Дела труда, вышедшем в июне 1927 года, Черняков вновь возвращается к вопросу о Либертарной коммунистической партии, создание которой ему представляется единственной стоящей альтернативой пустой болтовне, индивидуальной работе групп и трате времени, сил и человеческих ресурсов. Только таким образом анархистская революция изгонит большевизм. Нестор Махно публикует в этом номере содержательную статью о защите революции, в которой он щедро делится своим личным опытом.

На этом заканчивается, на наш взгляд, период представления Организационной Платформы Дела труда. Теперь, после появления французского перевода многих статей Аршинова, Махно, Валецкого и Ранко в газете Ле Либертэр, ее основные положения достаточно известны и начинается настоящее обсуждение.

Обсуждение Платформы

Вначале завязалась полемика между переводчиком на французский язык, Волиным, и Ранко, который упрекал его в газете Ле Либертэр за плохой перевод некоторых терминов и выражений. Он даже предложил назначить одного из товарищей «экспертом», в присутствии которого обе стороны рассмотрели бы обоснованность обвинений. Но в назначенный день Ранко не явился на встречу¹⁴⁵. Дело в том, что незадолго до этого ухудшились отношения между Волиным и Махно, а затем и Аршиновым. До этого Волин был полноправным членом Группы русских анархистов за границей и регулярно сотрудничал с Делом труда. Что могло вызвать напряженность между ними? Несомненно, некоторые личные и этические проступки Волина по отношению к Махно¹⁴⁶; вероятно также, явное несогласие по поводу Синтеза, который уже несколько лет пытался пропагандировать

Волин, ссылаясь постоянно на опыт Набата. Эта ссылка стала менее убедительной, когда газета Дело труда опубликовала письмо одного из основателей Набата, оставшегося в России, в котором функционирование Конфедерации представлено в совершенно иной форме, чем та, в которой оно представлено Волиным. Они противостояли друг другу и по социальному происхождению: Волин - буржуазный интеллигент, заботливо воспитанный гувернантками, которые обучили его иностранным языкам (он превосходно владел немецким и французским), тогда как Махно и Аршинов - очень скромного происхождения, не обладали такой свободой выражения мыслей и не пользовались таким вниманием среди товарищей. К этому добавилось посещение Волиным масонских лож, что полностью соответствовало его понятию Синтеза, но вызывало критику тех, кто видел в этом классовый коллаборационизм. Имела место также, как это не парадоксально, разница в анархистской культуре, но не в том смысле, в котором можно бы подумать: Аршинов и Махно были анархистами уже более двадцати лет и знали всех классиков, которых изучили в особенности на каторге, тогда как Волин был сформирован как эсер и примкнул к либертарным идеям под влиянием Кропоткина незадолго до 1914 года. Короче говоря, существовало много разных возможных причин для спора между старыми товарищами по борьбе 1919-1920 годов. Как это часто также бывает, жизнь в эмиграции и ее тяготы в огромной степени усилили разногласия.

В декабре 1926 года Группа русских анархистов за границей опубликовала коммюнике в Деле Труда с разоблачением вредной деятельности некоего Майского, которого в 1924 году привел в группу Волин и который уже был однажды исключен за свое дезорганизирующее и неэтическое поведение. Это обстоятельство не помешало Волину дать рекомендацию этому субъекту, который уже однажды злоупотребил доверием товарищей. Группа высказала Волину публичное порицание. Это далеко не уладило конфликт между двумя сторонами.

Ответ некоторых русских анархистов на Платформу был опубликован в апреле 1927 года и подписан семью товарищами: Соболев, Флешиним, Шварцем, Молли Штеймер, Волиным, Лией, Романом, Эрвантяном. Но эта коллективная подпись не может никого обмануть: его автором был Волин, как это понятно уже по постоянным ссылкам на Набат и по его характерному стилю. Ответ представляет собой брошюру в 39 страниц мелкого шрифта, в которой использованы пространные отрывки из Платформы и которая содержит обычную критику всех ее основных положений. Имеются расхождения, касающиеся самой основы, как, например, по поводу слабости анархистского движения, которую можно объяснить, по мнению авторов Ответа, не отсутствием организации или коллективной практики, а многими другими причинами:

“ а) Неясность ряда основных наших идей.

б) Трудность восприятия анархистских идей современным обществом.

в) Умственное состояние современных масс, не имеющих ни возможности, ни желания искать, обдумывать, сравнивать, и потому идущих по легчайшему пути, по линии наименьшего сопротивления, согласно предлагаемым демагогами разных оттенков «готовым» рецептам.

г) Жестокость и всеобщность репрессий по отношению к анархистскому движению, едва только оно начинает обнаруживать серьезные успехи.

д) Сознательный отказ анархистов от обычного и могущественного в руках всевозможных политических партий (особенно - партии большевиков) оружия: демагогии и выступления в роли безошибочного вождя, руководителя, спасителя.

е) Отказ анархистов от искусственно построенной организации и искусственной дисциплины, создающих временную (но по существу бесплодную) силу политических партий.

Главный предмет спора - отказ авторов Платформы принимать во внимание Синтез. Другой пункт разногласия - понятие анархистской партии, которая тотчас была отождествлена с классической авторитарной политической партией. Далее в Ответе идут нападки на анархизм как классовую концепцию, так как он является, согласно тексту, в одинаковой мере общечеловеческим и индивидуальным. За руководством массами и событиями, подозревается в Ответе, скрывается стремление к господству над массами, вместо того, чтобы «служить им, быть их сотрудниками и их помощниками».

Что касается переходного периода, Платформа, согласно Ответу, отрицает его «платонически, на словах», тогда как на деле «признает его более чем кто-либо в наших рядах», и в действительности, якобы, является только «попыткой мотивировать эту идею и привить ее анархизму». Конструктивная часть Платформы была подвергнута столь же резкой критике, все было представлено в отрицательном свете. По поводу защиты революции рекомендовалось отдать предпочтение вооружению трудящихся и отдельных местных отрядов, а не повстанческой армии с общим командованием. Здесь урок русской революции не принят во внимание: вооруженные трудящиеся были быстро превращены в красногвардейцев, даже против воли, а отдельные вооруженные отряды легко уничтожены регулярной армией. Но предмет разговора в Ответе другой: он стремится доказать любой ценой антианархистский характер Платформы, и для этой цели годится любая чрезмерность, например, когда повстанческая армия почти естественно превращается в красную! Разумеется, со своим политическим сыском, своей Чека, якобы предусмотренной Платформой! Цель Ответа состоит в утверждении, что Платформа хотела «создания руководящего политического центра, организации армии и полиции, которые находились бы в распоряжении этого центра, что означает по сути введение переходной политической власти государственного характера».

Организационная часть Платформы также стала объектом подобного псевдоортодоксального гнева: Ответ обнаруживает в ней стремление к централизованной Анархистской партии, которой нечему было бы позавидовать даже у большевиков. В заключение Ответ заявляет без обиняков: «Да, идеологическая сущность большевиков и платформистов одинакова». Платформа - это только «скрытый ревизионизм в сторону большевизма и признания переходного периода», все в ней «неприемлемо: ее основные принципы, ее сущность и сам ее дух».

Эта атака по всем направлениям слишком систематична и пристрастна, чтобы ее принимать всерьез: она попахивает сведением личных счетов. Как можно представить себе авторов Платформы, в особенности Аршинова и Махно как скрытых большевиков? Когда они их били с оружием в руках, когда им пришлось увидеть своих лучших товарищей, погибших от рук большевиков? Их отделяет от большевиков пропасть, полная крови. Напротив, сам Волин многократно поддерживал двусмысленные отношения с большевистскими властями; но это не самое главное, в Ответе поражает отсутствие, за исключением идеализированного Набата, всяких ссылок на идеи и практику анархистского движения. Тем не менее авторы Платформы утверждали сами, что они не вносят никаких инноваций, а только повторяют приобретения идей и опыта движения. Мы сами видели, что уже Бакунин задумал создание специфической организации с «единством мысли и действия», то есть с коллективным методом действия и с «братским и постоянным контролем каждого всеми», что соответствует понятию «коллективной ответственности» в Платформе. Каждому, кто достаточно изучил историю движения, родство между Платформой и бакунинскими Братствами должно бы быть очевидным и не подвергаться никакой дискуссии. Ответ отличается тем, что слишком много места в нем занимает предвзятая критика и желание очернить.

Группа русских анархистов не ввязывалась в эти исторические и личные рассуждения: несколько месяцев спустя она публикует Ответ анархо-хаотикам в анархизме, в котором едкая критика, содержащаяся в Ответе Волина и компании, отклоняется пункт за пунктом, ее несостоятельность становится очевидной. Обвинение в желании «большевизировать анархизм» отброшено как самая подлая клевета. А этот аргумент в последующем стал расхожим для всех хулителей Платформы. Однако, уже в это время становятся известными и другие точки зрения, полные здравого смысла, как например, мнение Л.Г., опубликованное в газете Ле Либертэр:

“ «Платформа в том виде, в каком она представлена на обсуждение, не является символом веры, не подлежащем критике: я сам и многие другие видят в ней некоторые довольно спорные положения. Ответ, который мне недавно довелось прочесть, содержит также немало ошибочных положений. Я приведу одно, чтобы не занимать много места в газете, а именно, желание видеть в одной организации собак, кошек, волков и ягнят, для того чтобы быстрее достичь цели, сказано в Ответе. Мне это смешно, так как в этой группировке будут только ссоры, укусы и раздутая ненависть. Я чувствую в Ответе много укулов, которые свидетельствуют о полном отсутствии толерантности. Исходя из всего этого, я хотел бы, чтобы оставили хоть немного эту пространную фразеологию о том, что будет завтра, и чтобы спустились на землю в современной пропаганде»¹⁴⁷.

Два года спустя Волин, Флешин, Штеймер, Соболев и Шварц опубликуют обличительную статью против Дела труда, обвинив его в этот раз в проведении кампании против анархистов-интеллектуалов. Рабоче-крестьянский анархизм журнала квалифицирован в ней как «настоящий анархо-хулиганизм» (!?), сравнимый с антисемитизмом¹⁴⁸! Во всем этом не хватало одной мелочи: дело в том, что кроме всей этой шумихи они были не в состоянии

сочинить какой-нибудь текст, в котором были бы наконец изложены их собственные концепции. В этом нет ничего удивительного, такое поведение в общем встречается довольно часто: неспособные сами сочинить хоть что-нибудь положительное и конструктивное, некоторые индивиды, неважно, анархисты или нет, провозглашают свою принадлежность к тенденции скорее радикальной, по крайней мере, на бумаге, готовы наброситься на любое свершение с лупой в руке, чтобы провозгласить, что является хорошим, а что плохим. Зато эти надоедливые мухи, которые бестолку суетятся, не придают никакой важности мерзким запахам, в которых они живут и им это нравится. Действительность и ветер Истории их бесповоротно сметают, но следует знать, что подобное явление существует и время от времени появляется вновь.

На протяжении этого времени собрания по обсуждению Платформы, организованные Делом Труда, регулярно продолжались. 12 февраля 1927 года на таком собрании присутствовали активисты со всех частей света: Аршинов, Махно и четыре других члена представляли русскую группу; Пьер Одеон - анархистскую молодежную организацию Франции; Ранко был делегатом от польской группы; присутствовало несколько представителей Испании - Оробон Фернандес, Карбо и Хибанель; и некоторые участники, присутствовавшие по собственной инициативе - Уго Феделли, болгарин Павел, китаец Чэн, француз Дофэн-Менье и др. Собрание проходило в небольшом зале одного из парижских кафе; делегаты пользовались разными языками: звучали русский, немецкий и, разумеется, французский.

Первым выступил, как обычно, Аршинов, напомнивший основные тезисы своей группы и добавивший, что их выполнение касается также Франции и международного движения. Поскольку они в большинстве своем беженцы, им трудно действовать во Франции, им не хватает социальной базы и желательно создать международный орган на французском языке, который рассматривал бы основные вопросы движения. После него выступил товарищ из Испании и поделился подобными заботами в своем национальном движении. Одеон заявил, что он поддерживает Платформу и спросил, имеют ли присутствующие полномочия, чтобы принимать решения. Ранко предложил непосредственно избрать Временный комитет с целью создания Анархистского Интернационала. Многие из присутствовавших проявили сдержанность, тем не менее была создана Временная комиссия, состоявшая из Махно, Ранко и Чэна. Эта комиссия 22 февраля 1927 года разослала письмо всем интересующимся с кратким изложением сути дела на основе Платформы Русской группы. За ним последовал призыв созвать 20 марта в Бург-Ла-Рэн, в зале одного из кинотеатров Международную конференцию.

В назначенный день, перед многочисленными присутствующими Махно напомнил все ключевые положения, содержащиеся в Платформе как в программе. Аудитория отреагировала по разному. Луиджи Фабри предложил незначительное изменение, поддержанное французами и испанцами. Было достигнуто согласие о принципе создания международной организации, исходя из следующих положений, а именно признавать:

- 1) борьбу всех обездоленных и угнетенных против Государства и Капитала как самый важный фактор в анархистской системе;
- 2) борьбу рабочих и профсоюзов как важные методы революционного действия анархистов;

3) необходимость в каждой стране возможного общего Союза анархистов, имеющего ту же конечную цель и ту же практическую тактику, основанную на коллективной ответственности;

4) необходимость положительной программы действия и осуществления для анархистов в социальной революции¹⁴⁹.

В то время, когда шла дискуссия по этому предложению итальянских товарищей, французская полиция ворвалась в помещение и всех арестовала. Какой-то шпик или противник Платформы предупредил фараонов о том, что там что-то замышляется. Проект тем не менее не провалился, и временный секретариат, состоявший из Махно, Ранко и Чэна разослал 1 апреля 1927 года письмо, в котором создание Международной либертарной коммунистической федерации рассматривалось как факт и в котором были повторены в неизменном виде предложения русской группы без учета поправок итальянцев. Это выглядело преждевременным и в особенности бестактным по отношению к итальянцам, которые не замедлили заявить, что они не могут «пока» присоединиться к этой инициативе. Другие участники собрания сделали также подобные заявления. Ситуация, таким образом, была заблокирована излишней поспешностью, или, если хотите, энтузиазмом Ранко и Махно.

На парижском съезде Союза французских анархистов, осенью 1927 года, сторонники Платформы одержали победу над приверженцами Синтеза и остальными сдержанно настроенными анархистами. «Синтезисты» во главе с Себастьяном Фором пошли на раскол и основали Федеральную Ассоциацию Анархистов. Старый трибун не был ни противником организации, ни пассивным, напротив, он хотел «организацию прочную, мощную, способную объединить в момент, определенный серьезностью обстоятельств, все бунтарские силы, состоящие из многочисленных и энергичных групп» и «пролетариат, втянутый в решающую борьбу серией беспорядков, выступлений, забастовок, бунтов, восстаний»¹⁵⁰. В нем нет ничего общего с дилетантизмом Волина, и с давних пор он ощутимо жертвовал своей собственной персоной. Он возражал против положений Платформы, потому что считал их слишком сектантскими и предпочитал единодушие, разумеется в чувствах, типа «большой семьи», или, как он сам выражался, с юмором «общих объятий»; это достаточно приятно и преисполнено доброй воли. Старый пропагандист чувствовал, что анархистам вскоре чрезвычайно потребуется добрая воля и взаимопомощь, так как угроз социального и военного столкновения было предостаточно¹⁵¹.

В Италии вот уже несколько лет был установлен фашизм Муссолини и царила реакция. Эррико Малатеста находился под домашним арестом, его переписка проверялась цензурой. Ему удалось все же познакомиться с Платформой и написать критический отзыв, опубликованный вначале в Ревэй анархист (Анархистское Пробуждение) в Женеве, а затем брошюрой в Париже. Хотя он также был сторонником организации, он не принимает ни понятие коллективной ответственности, ни существование Исполнительного комитета. Он считает, что авторы Платформы не могут «избавиться от навязчивой мысли об успехе большевиков в их стране; они хотели бы, подобно большевикам, объединить анархистов в какую-то дисциплинированную армию, которая под идеологическим и практическим руководством нескольких вождей пошла бы сплоченно на штурм существующих режимов и которая, одержав материальную победу, руководила бы строительством нового общества».

Аршинов опубликовал в Деле труда статью Старое и новое в анархизме, в которой он отвечает на критические замечания и повторяет с неустанным терпением основные положения Платформы Русской группы. Махно также направил длинное письмо старому товарищу Бакунина, в котором их разногласия рассматривает как недоразумение. Малатеста из-за цензуры пришлось ждать почти год, прежде чем он смог его прочесть, и он сразу же дал ответ. Возможно, перевод затемнил смысл слов, но он по-прежнему остается враждебным по отношению к коллективной ответственности, которой он противопоставляет ответственность моральную, и к созданию Исполнительного комитета, который он считает подобным «правительству в правильной и должной форме» со всеми полицейскими и бюрократическими атрибутами! Махно ему ответил во второй раз:

“ «Я считаю, что подлинно социальное движение, как я понимаю, анархистское движение не может выработать положительную политику прежде чем найдет более или менее постоянные организационные формы, которые дадут ему разные необходимые средства борьбы против различных авторитарных социальных систем. Именно отсутствие этих средств, особенно в революционный период, приводит к тому, что анархистская борьба вырождается в какой-то местный индивидуализм, все это потому, что анархисты, провозглашая себя врагами 'всех конституций вообще, увидели, что массы удаляются от них, так как они не внушают никакой надежды на какое-либо практическое осуществление.

Чтобы бороться и победить, нужна тактика, характер которой должен быть выражен в программе практического действия (...). В области практических свершений автономные анархистские группы должны быть способны в каждой новой появляющейся ситуации сформулировать проблемы, которые должны быть решены, и ответы, которые на них следует дать, без колебаний и без искажения анархистских целей и духа»¹⁵².

Малатеста затем несколько изменил свое отношение к «коллективной ответственности», которая ему «кажется более уместной в армейской казарме», так как он ее понимал как «слепое подчинение всех некоторым». Он соглашается, что, возможно, дело в словах, так как речь идет о «согласии и солидарности, которые должны существовать между членами объединения (...), мы были бы близки к взаимопониманию»¹⁵³. Конечно это непонимание со стороны ветерана движения было вызвано некоторой изоляцией и языковой проблемой.

Лидер ГКТРС (ГТК Революционного Синдикализма) и теоретик анархосиндикализма Пьер Бэнар принимает без колебаний коллективную ответственность. В статье об ответственности, помещенной в анархистской Энциклопедии, он возводит ее в фундаментальный принцип либертарного коммунизма. Она никак не упраздняет индивидуальную ответственность всех членов объединения, между ними нет никакого противоречия. Они дополняют и перекрывают друг друга:

“ «индивидуальная ответственность является изначальной формой ответственности; она имеет источником сознание. Коллективная

ответственность является ее социальной и конечной формой. Она распространяет ответственность индивида на коллектив расширяя ее таким образом в соответствии с принципом естественной солидарности, который является одновременно физическим законом, действующим как для социальных составляющих, так и для других частей любого тела, одушевленного или неодушевленного, она делает каждого индивида ответственным за свои поступки перед целым коллективом. И, соответственно, путем контроля, она делает коллектив ответственным перед всеми индивидами. Как и сам федерализм, одним из основных элементов которого она впрочем является, коллективная ответственность действует в двух направлениях: восходящем и нисходящем. Она вменяет индивиду в обязанность отвечать за свои поступки перед многими и многим отвечать за свои перед индивидом. Следовательно, можно сказать, что обе формы ответственности взаимопределяют друг друга. Коллективная ответственность освящает и уточняет ответственность индивидуальную»¹⁵⁴.

Бэнар видел в этом позитивный фактор, придававший организации одновременно методичность и гибкость вместе с максимумом силы сжатия и расслабления.

Мария Изидина также опубликовала статью - Организация и партия, содержащую критику коллективной ответственности, которой она противопоставляет ответственность моральную. В особенности она не согласна с принципом принятия большинством решения, которое меньшинство должно безропотно выполнять. Аршинов немного спустя напечатал на нее ответ.

Махно выступил с резким ответом на критические замечания, авторы которых пытались показать якобы антианархистский характер Платформы. Он отвергает, в частности, критику Малатесты по поводу тактического единства, и выступает против использования любой тактики любым членом анархистской организации, взгляда, который он приписывает старому итальянскому агитатору. Распыление сил не может привести ни к чему, и во время революционной ситуации невозможно таким образом пойти навстречу массам, - замечает он¹⁵⁵.

В том же номере журнала напечатана статья В.Худолея, русского анархиста, оставшегося в СССР, и горячего приверженца Дела Труда. Автор раскрывает новизну положения, внесенного Платформой и касающегося превосходства политики над экономикой, то есть объединенной идеологической группы над профсоюзом. Так, Либертарная коммунистическая партия является для него «сознательным меньшинством, направляющим своим примером революционное движение к либертарным целям». Рабочие и крестьянские организации, профсоюзы и кооперативы составляют действующее меньшинство, которое совершает революцию. Чтобы показать корни этой концепции он ссылается на Бакунина. По названию «Всеобщий союз анархистов» можно подумать, что все анархисты должны бы чувствовать себя обязанными стать его членами, тогда как на самом деле это не так. Худолей предпочитает термин «партия» как более точный, так как она объединяет только часть анархистов, отобранных на основе теоретической близости и общего желания

вступить в нее, что вовсе не предполагает раскол с остальными анархистами внутри движения. Короче говоря, не следует препятствовать приверженцам единой теории объединяться в партию. Как бы там ни было, группы остаются автономными и могут выдвигать критерии принадлежности, которые им подходят. В конечном счете, автор удивлен тем, что проект, который каждый может принять или нет, вызвал столько шума.

Все в том же номере журнала Аршинов напечатал отчет о дискуссии, которую вызвала Платформа. Он называет четыре распространенных реакции: враждебность, непонимание, преднамеренное и непреднамеренное незнание и благожелательность или даже энтузиазм. Результаты им оцениваются как слабые, принимая во внимание поставленные цели, но это можно объяснить упадком анархизма во многих странах. Несмотря на это, Платформа является единственной за последние десять лет попыткой сделать практический и положительный шаг в направлении развития движения. Аршинов цитирует однако очень критическое письмо одного товарища из СССР:

“ ... «Я считаю, что вы чересчур перегнули палку в сторону организации, партии и т. д. Ваша мысль мне представляется таковой: большевики победили организацией, значит и мы должны иметь организацию. Конечно, наша армия будет не красной, а черной, наше ГПУ будет не государственное, а что-нибудь другое, наша партия будет не централистская, а вроде федералистической; но армия, ГПУ и партия как-нибудь у нас должны быть. С этим и я и многие здешние товарищи не согласны. Дело не во внешней победе, которая может быть таким способом обретается, а в настоящем приближении к анархизму. Очень ценны ваши усилия, чтобы выбраться из болота общих мест, использовать опыт последних лет... но я считаю, что вы поддались соблазну большевизма».

Корреспондент считал необходимым, несмотря на все, подчеркнуть ценность журнала, его серьезность и хладнокровие в постановке вопросов. Для него и его товарищей это служит знаком, что анархизм жив.

Аршинов приводит другие разногласия по многим положениям Платформы, производству, защите революции или же употреблению некоторых терминов. Он замечает, тем не менее, что враждебные отклики до этого дня упустили главный факт: «понимание нашего подхода к организационной проблеме и методу ее решения». Прежде всего Платформа является попыткой решения определенной практической проблемы. Тот, кто не боится смотреть прямо на настоящее положение движения, поймет ее без труда. Например, в русском анархистском движении в настоящий момент существует две тенденции: одна, вносящая путаницу, обосновавшаяся в Соединенных Штатах вокруг журнала Рассвет и поддерживающая двусмысленные отношения с русской реакционной эмиграцией; вторая, мистическая, в Москве. В движении сосуществует также целая серия других тенденций или оттенков, которые не имеют ничего общего с рабочим революционным анархизмом. В этом нет ничего нового, так было во все времена, и именно из-за этого движение никогда не могло действовать сплоченно и согласованно, его действия были противоречивыми и даже антагонистскими и сводили на нет всю практическую работу. Его среда в такой мере

обременена этими противоречиями, что стремление объединить ее или «синтезировать» напрасно. Единственным путем для выхода из хаоса и оздоровления движения является отбор формирование ядра активных борцов на основе четко определенной и единой теоретической и практической программы и проведение идеологического и организационного размежевания. Именно к этому призывает Платформа. Теоретически и тактически объединенная организация (партия) устранил из нашего движения все грубые противоречия, как внутренние, так и внешние, которые отталкивают трудящихся, продемонстрирует могущество идей и тактики либертарного коммунизма и объединит вокруг него, вне всякого сомнения, революционную часть крестьянства и рабочего класса. Наконец, пусть те, кто не согласен с этим выступлением и этими идеями, выдвинут свои, чтобы стала ясной альтернатива.

Во второй части своей статьи Аршинов дает ответ на замечания по некоторым пунктам. По поводу производства, некоторые сочли, что предложенное единство противоречит децентрализации, что рабоче-крестьянские советы, фабрично-заводские комитеты больше соответствовали бы строю свободных советов, чем идее анархистской коммуны. Единство производства означает, что весь его процесс является коммунистическим и принадлежит всем, а не отдельным группам или индивидам, в противном случае это будет реставрация капитализма. Это единство никоим образом не влечет за собой централизм, совершенно напротив. Если мы его противопоставили децентрализации, то исключительно для того, чтобы оно не стало принадлежностью отдельных, конкурирующих между собой групп. Что касается роли советов, она имеет исполнительный и технический характер, как в производстве, так и в потреблении. Они не имеют ничего общего с политическими советами, члены которых не имеют никакого отношения к производству. В Платформе набросана только схема первого этапа пути построения анархистской коммуны. Если в ней имеются ошибки или неточности, коллективный разум движения их заметит и исправит. Авторы первыми пойдут им навстречу, так как их забота не в том, чтобы скрывать проблемы, а в том, чтобы их решать, это в духе самого настоящего анархизма. Впрочем, они будут решены коллективной мыслью и практикой движения.

По вопросу организации более всего подвергалась критике форма «партии», поскольку она, по всей видимости, противоречила принципам анархизма. Это необоснованно, так как ложно и абсурдно считать, что партия должна обязательно быть авторитарной организацией, стремящейся к власти. Это попросту объединение лиц, разделяющих определенные убеждения и стремящихся к точно намеченным целям, которые автоматически не являются завоеванием власти. Исполнительный комитет, подвергшийся такой резкой критике, как указывает его название, является чисто исполнительным, то есть осуществляет технические задачи, которые ему поручает съезд. Впрочем, подобные комитеты всегда существовали среди анархистских организаций, например теперешний анархистский профсоюзный Интернационал имеет в качестве эквивалента Секретариат. В заключение Аршинов констатирует, что большинство критических замечаний основывается на ложной интерпретации или на преднамеренном искажении; вследствие этого он отправляет авторов первых внимательнее прочесть текст Платформы, а в отношении авторов вторых признает свое бессилие. На этом он заканчивает подведение итогов трех лет различных дискуссий и полемик.

В конце этого номера журнала опубликовано письмо коллектива анархистов Москвы, подписанное Боровым, Бармашем и Рогдаевым, которое приветствует выступление Дела Труда как единственное, что может вытаскивать революционный анархизм, застрявший в наезженной колее. Возможно, это служит сигналом, но в анархистских кругах СССР, которые до сих пор режим с трудом терпел, ГПУ провело облаву. Подписавшиеся под письмом в Дело Труда Худолей и десятки других были схвачены, брошены в тюрьму, отправлены в лагеря. Все связи с Западом, разумеется, прерваны и запрещены. Любопытно, что одновременно французская полиция задержала Аршинова, которому вменялась в вину деятельность, несовместимая со статусом политического беженца: в январе 1930 года он был выдворен в Бельгию. Под совместными ударами сталинских и республиканских репрессий работа по разъяснению и связям, предпринятая Делом Труда, оказалась свернутой в Европе. После нескольких месяцев перерыва журнал все же появляется вновь, но в этот раз в Соединенных Штатах в Чикаго. Аршинов продолжает свое сотрудничество с ним, но нерегулярно. Неожиданно, как гром с ясного неба, он публикует брошюру, в которой, ссылаясь на работу Ленина Государство и революция, он признает необходимость диктатуры пролетариата как единственный выход из теоретического исторического тупика того времени. В результате испанского революционного движения 1931 года он видит для испанских анархистов только одну альтернативу - установить диктатуру пролетариата или же эволюционировать в сторону реформизма и оппортунизма. Этому неожиданному анализу соответствует совет, приводящий в еще большее замешательство: установить контакт с посольством СССР и коммунистическими партиями всех стран!

Это отступничество однако уравновешено резкими статьями против большевизма и Сталина, появившимися в то же время. Как объяснить это сбивающее с толку противоречие? Единственный логический ответ можно найти в свидетельстве Николы Чорбаджиева, близкого друга Махно и Аршинова, с которыми он жил несколько лет в Венсэне. Вследствие решения о выдворении из Франции, отмененного некоторое время спустя благодаря вмешательству нескольких известных французских личностей, Аршинов испытывал значительные трудности материального плана а также в отношениях со своей женой, уставшей от жизни в изгнании. Разочарованный постоянными спорами и подавленным состоянием анархистского движения, он обратился к Серго Орджоникидзе, в то время близкому к Сталину и всемогущего, с которым он лично познакомился двадцать лет назад, когда они сидели в одной камере в тюрьме. Орджоникидзе пообещал ему помочь вернуться на родину, но, разумеется, поставив определенные политические условия: он должен был отказаться от всех своих критических выступлений против большевизма и порвать с анархистским движением. Аршинов решил это сделать, не без мук совести, так как ему было трудно отказаться от всей своей прошлой деятельности, не только от двадцати пяти лет анархистской борьбы, но и от пяти лет созидательной работы в Деле Труда. Поэтому в двух брошюрах, которые он опубликовал, чтобы признать существование диктатуры пролетариата и «рабочего» государства в СССР, не содержится никакой критики собственной деятельности, а только подробная констатация отрицательного итога анархизма в разных странах мира, так что на почти пятидесяти страницах текста содержится всего три или четыре действительно компрометирующих в политическом смысле, как, например, совет установить контакт с советским посольством и защищать рабочее государство от растущей опасности мировой реакции. Прежде чем Аршинов вернулся в СССР в 1933 году, Никола Чорбаджиев поставил ему вопрос: «Ты стал

большевиком?». Аршинов ему ответил: «Ты считаешь, что я способен на это?» и объяснил ему свое возвращение отсутствием перспектив активной борьбы во Франции и в Европе, тогда как в СССР он был готов даже поступить в Коммунистическую партию, чтобы продолжать работать для анархизма¹⁵⁶.

Таким образом, это больше похоже на поступок, мотивированный личным отчаянием, чем на действительную политическую эволюцию. Во всяком случае, Аршинов был расстрелян в 1937 году в Москве по обвинению в попытке «реставрировать анархизм в советской России». Следовательно, он, кажется, приступил к осуществлению своего плана подпольной деятельности. Это нам представляется вполне соответствующим его фанатичному рабочему анархизму, его воинствующему экстремизму и сильной воле, качествам, которые он неоднократно проявлял ранее.

Как повезло противникам Платформы! Их злейший враг своим поведением неожиданно подтверждал их обвинения. Они не преминули заявить об этом громогласно и без тени смущения. Дальше всех зашел наверное Макс Неттлау. Не будучи лично знаком с Аршиновым, он хладнокровно заявил, что тот никогда не был анархистом: он, якобы, сохранил еще с 1904 года свои большевистские убеждения, и в анархизме его привлекала только радикальная и террористская сторона. По той или иной причине, он не вернулся с повинной в 1917 году и сейчас исправляет эту ошибку, и Неттлау желает ему «счастливого пути» и радуется этому избавлению от третьего лишнего¹⁵⁷.

На наш взгляд, это было несколько поспешно, так как Аршинов, хотя и был глашатаем Платформы, не был ее единственным автором, и, кроме того, следовало также установить явную причинно следственную между этим текстом - постулатом которого было беспощадное осуждение большевизма - и его возвращением в СССР. Нам кажется, такая связь отсутствует. В самом деле, существует одно обстоятельство, которое нельзя упускать из виду, если действительно иметь желание понять выступление Дела Труда. Ведь Махно и Аршинов более пятнадцати лет, с 1906 по 1921, участвовали в анархистском движении, они начинали с тактики прямого действия, затем была ссылка и наконец революция и замечательное украинское повстанческое движение, известное под именем махновского. Поэтому в Платформе они изложили на бумаге уроки и опыт всей своей деятельности и вооруженной борьбы. Отбросить Платформу значит «выплеснуть младенца вместе с водой», то есть отбросить самый радикальный, наряду с Испанией 1936-1939 годов, революционный опыт столетия. Вот почему мы считаем неуместной и особенно непоследовательной всю эту мелочную критику Платформы, подвергавшую «допросу под пыткой» ее авторов, взвешивавшую миллиметровые оттенки и постоянно выискивавшую «лукавого» - пресловутую большевизацию анархизма - между строк этого текста, прозрачного, как вода горного источника. Такое отношение граничит с «негативизмом», относительным или абсолютным, неисправимым пороком определенной анархистской традиции.

Что же столь необычайного представляет собой эта знаменитая Платформа? Чтобы избавиться от постоянной нечеткости и распыленности идей, она рекомендовала выработать связную теорию и последовательную сплоченность в действии. Это неизбежно означало определение либертарной коммунистической программы и последовательной политической линии. Все это должно было осуществляться коллективно, а не несколькими

признанными лидерами или вождями. На самом деле это означало возврат к бакунинской традиции Альянса и Братств в свете боевого и исторического опыта, приобретенного авторами этого текста. Кто мог возражать против этого? Все те же, извечные слабовольные, неисправимые болтуны, все те, у кого, несмотря ни на что, было что терять, то ли свое мелкое тщеславие, то ли свое в конечном счете удобное положение в существующем обществе. Как бы там ни было, главное противостояние исходило со стороны русской эмигрантской среды, которая не имела ничего общего с махновскими украинскими крестьянами, и нескольких престарелых патриархов анархизма. Поэтому синдром Маркса, который нанес большой ущерб до 1914 года был выгодно заменен на синдром Ленина и монолитной партии, так что говорить о «партии» стало все равно, что размахивать веревкой в доме повешенного. Возможно, Аршинов, Махно и их товарищи должны были действовать более осмотрительно, использовать эвфемизмы, расставить повсюду вопросительные знаки, идти более осторожно, тогда как они как «достойные казаки» сопротивлялись и рубили шашками бестолковые головы Анархии!

Отступничество Аршинова не помешало Махно продолжить распространение основных идей Платформы. Он обратился с пламенным призывом к участникам Съезда Революционного Коммунистического Анархистского Союза, состоявшегося в мае 1930 года в Париже¹⁵⁸. Безрезультатно, поскольку сторонники Платформы оказались на нем в меньшинстве, 7 групп против 14. Верно, что Аршинов нашел в них тенденцию уклона к централизму, какое-то буквальное применение организационных принципов, не сохраняя при этом их дух. Пришлось ждать 1934 год, прежде чем внутри Союза Анархистов (определения «коммунистический» и «революционный» между тем были сняты) установится «священный союз», из-за все более тревожного международного положения и попытки переворота крайних правых сил во Франции 6 февраля 1934 года. В это время сформировалась однородная тенденция «платформистов» под названием Либертарная Коммунистическая Федерация. Затем Народный Фронт и события в Испании поляризовали внимание и усилия, так что практическое единство стало преобладать над теоретической разобщенностью.

Версия #1

Зверобой создал 25 июля 2025 05:15:43

Зверобой обновил 25 июля 2025 05:26:12